

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Арбатова Надежда (Россия) – заведующая отделом Центра европейских исследований, ИМЭМО РАН, директор научных программ Комитета «Россия в объединенной Европе».

БАЛТИЯ И РОССИЯ В «БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ» – ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Я представляю не только Академию Наук РФ, но и недавно созданный Комитет «Россия в объединенной Европе» – это общественное объединение, которое занимается вопросами взаимоотношений России и Европы.

Говоря о российско–балтийских отношениях в «Большой Европе», мне кажется, мы должны, прежде всего, определить, что мы понимаем под «Большой Европой». Здесь могут быть очень разные подходы и разные определения. Кто–то, наверное, мыслит «Большую Европу» как новую концепцию «общеевропейского дома» или «новый дом» для мирного сосуществования России и Западной Европы. Я понимаю «Большую Европу» как Европу без разделительных линий, где Восток и Запад – понятия исключительно географические, и где решен главный вопрос – о месте России в Европе. Поэтому для меня строительство «Большой Европы» – это путь постепенной, но последовательной интеграции России в европейские институты.

Как российско–балтийские отношения соотносятся с «Большой Европой»? Какова их роль в «Большой Европе»? Мне кажется, что их роль определяется тем, что российско–балтийские отношения очень тесно вписаны в контекст отношений России и Запада. Балтийские страны, сделав стратегический выбор, определили очень четкие ориентиры для внешнеполитического развития, но одновременно и поставили очень жесткие рамки для своей внешней политики. Безусловно, и США, и Западная Европа сегодня приветствуют любое улучшение отношений между Россией и странами Балтии. Но вот вопрос: смогут ли российско–балтийские отношения повлиять в позитивном плане на отношения России и Запада, если возникнут серьезные проблемы? С моей точки зрения, нет. И опасность состоит в том, что российско–балтийские отношения в какой–то степени являются заложниками тенденций в отношениях России и Запада.

Я приведу только один пример. Вы знаете, что проблема доступа и транзита в Калининград является одной из самых острых проблем в отношениях России и ЕС. И Литовское правительство готово идти на очень большие уступки России в данном вопросе, но они не могут этого сделать, потому что есть определенная позиция ЕС. Вот вам пример этих жестких рамок. Мне кажется, что российско–балтийские отношения будут зависеть от решения проблем европейской безопасности и от тенденций в отношениях Россия – США, Россия – НАТО и Россия – ЕС. Несомненно, ЕС – это главная организация в строительстве «Большой Европы», но позвольте мне начать с проблем безопасности.

На мой взгляд, сегодня существует три группы проблем. Первая. Это проблемы оставшиеся в наследство от холодной войны и связанные с огромными арсеналами обычных вооружений. Вторая группа – проблемы, которые появились в последнее десятилетие прошлого века после распада Советского Союза, в частности и расширение НАТО. И третья – это постсентябрьский вызов, проблема международного терроризма помноженная на распространение оружия массового поражения. Последняя группа проблем абсолютно новая, потому что она обращена к «большой Европе», это угроза всем. В то время как первые две группы проблем связаны с взаимоотношениями России и Запада.

Между тем решить и проблемы, унаследованные от холодной войны, и новые, связанные с сентябрьскими событиями, будет невозможно без решения проблем, накопленных после распада Советского Союза. Я не согласна с теми, кто рассматривает расширение НАТО с позиций «за» или «против», «хорошо» или «плохо», «угроза» или «не угроза». Расширение НАТО – это симптом более глубоких и более серьезных проблем, которые имеются в Европе. Это и кризис идентичности НАТО, поскольку она утратила свой резон с исчезновением Советского Союза. Это нерешенный вопрос о месте России в системе европейской безопасности. Это вопрос, я думаю, и об американском присутствии в Европе вследствие общей угрозы, которая

склеивала евроатлантическое партнерство. Поэтому никакой антитеррористической коалиции не получится, если не будут решены проблемы постбиполярного периода.

Теперь об отношениях Россия – США. Конечно, постсентябрьское сотрудничество, включая последний саммит, создали благоприятные условия для дальнейшего взаимодействия, в том числе России и ЕС, России и Европы. Вы знаете, что со стороны США всегда существовала некая подозрительность, что Россия может «расцепить» Европу и США. Сейчас же с улучшением российско–американских отношений, мне кажется, исчезают опасения наиболее проатлантических европейских правительств относительно того, что это может произойти. Тем не менее, остается очень много проблем, очень много неясностей.

Есть некая эйфория по поводу того, что произошло в Москве после саммита, но, на мой взгляд, наши отношения вернулись только лишь на исходные позиции, которые были до мадридских решений, до Косовского кризиса. И нам предстоит еще очень много сделать, чтобы эти отношения, эти позитивные сдвиги стали необратимыми. Сохраняется неопределенность в том, как США будут вести себя дальше на мировой арене. Как в условиях сохраняющегося отрыва США не только от России, но и от Европы будет реализовываться американское лидерство? Как будут сопрягаться и соотноситься американские интересы с интересами России и европейских союзников? Что будет, если возникнут новые кризисы? Здесь уже говорили об Иране, Ираке, а могут быть и более страшные сценарии. И не дай Бог – кризис вокруг Белоруссии! Что будет тогда? В какие условия будет поставлена Россия? На эти вопросы пока нет ответа.

Отношения с НАТО. Я думаю, что тут ситуация очень похожая. Здесь мы тоже вернулись к исходным позициям. Отношения улучшились, но я согласна с оценкой Алексея Пушкова: еще слишком рано говорить о том, что «двадцатка» – это действительно рабочий орган. Меня смущает многое и, прежде всего, очень широкая повестка «двадцатки». Здесь и борьба с терроризмом, и миротворчество, и военные реформы и многое, многое другое. Все это наводит на мысль, что организаторы постарались в рамки комитета буквально втиснуть все возможные вопросы, чтобы сделать его как можно более представительным. Я полностью согласна с тем, что говорилось по поводу механизма принятия решений, но хотела бы еще добавить: важно и то, как будут обсуждаться конкретные вопросы? Будет ли НАТО выходить на «двадцатку» с уже согласованным, консолидированным решением или это будет обсуждаться непосредственно на «двадцатке»? Есть ли какие–то пути сделать «двадцатку» настоящим органом партнерства? Я думаю, что есть. И, как ни странно, этот путь может реализоваться, если будут проведены реформы НАТО. Изменение механизма принятия решений в НАТО, реформа комитетов, отказ от принципа вето, за исключением вопросов об использовании национальных вооруженных сил, принятие решений квалифицированным большинством – может Россию сделать равноправным участником (если таковое желание есть).

Хочу сказать, что многое будет зависеть еще и от того, как будут решаться вопросы с обычными вооружениями. Нам все время говорят о том, что НАТО – политическая организация. Но тогда, почему ей не пойти на более радикальное 50% сокращение, если мы сейчас уже не враги? Почему не создать безъядерную зону в Центральной и Восточной Европе, включая Белоруссию и Калининград? Нам на это отвечают, что это не в традициях НАТО. В таком случае здесь есть определенное, на мой взгляд, противоречие. Если НАТО – политическая организация, если она не рассматривает Россию как врага, если это новая организация, почему она так привержена традиционным принципам, которые действовали во времена холодной войны?

Теперь о роли ЕС в строительстве «Большой Европы». Несомненно, это самая главная организация. И как я сказала, улучшение отношений России с США и НАТО открывают здесь большие возможности. Мне представляется, существует две группы проблем: это собственно отношения России и ЕС и будущее европейской интеграции. Если говорить об отношениях России и ЕС, я не буду повторяться и говорить о том, что наши интересы совпадают, что расширение ЕС всегда рассматривалось Россией с более благоприятных позиций и т. д., скажу о главной проблеме. Это, конечно, Калининград. И ситуация здесь парадоксальна. Развитие Калининграда требует самого тесного взаимодействия России, Балтии и ЕС, и вместе с тем именно Калининград самая главная проблема в отношениях России, Балтии и ЕС. Но есть возможности для компромиссов.

Как будет развиваться Европейский Союз? Как будет развиваться европейская интеграция? Здесь говорилось о том, что Россию захлестнула волна национализма. Я знаю, что ЕС очень волновало то, что новые члены, которые имеют опыт тоталитарного прошлого, могут принести националистические тенденции в ЕС. Но мы видим, что после 11 сентября не только страны Центральной и Восточной Европы, но и государства, принадлежащие к ядру, оказались заражены самой губительной бациллой для европейской интеграции – бациллой национализма, и это самое страшное.

Я хочу сказать несколько слов о России и Балтии. Собственно, что должна сделать Россия, и что должна сделать Балтия? Думаю, интеграция России в «Большую Европу» будет невозможна без демократизации России. Это две стороны одной медали. Внешняя политика России сейчас развивается в правильном направлении, избегая любой конфронтации с Западом, которая была бы губительна для нашей внутренней системной трансформации. Если не будет демократизации внутривнутриполитического процесса, могут столкнуться два курса – внешнеполитический и внутривнутриполитический. В этом случае внешнеполитический курс может быть реверсирован.

Что касается стран Балтии. Вы знаете, я была недавно на конференции, где выступал английский ученый, который сказал: «Я так благодарен человечеству за то, что оно незлопамятно, иначе сегодня Великобритания была бы самой ненавистной страной – мы так много причинили зла другим людям». Я хочу сказать, что страны Балтии должны перестать культивировать в себе комплекс виктимности. У вас все хорошо. Вы уже почти в ЕС, вы уже почти в НАТО. Но я думаю, что вы заинтересованы в том, чтобы и Россия была в «Большой Европе». Иначе вы будете обречены оставаться Восточной Европой, причем не в географическом, а в военно–политическом смысле.